

Адаптация к «навязанным» институциональным изменениям (на примерах имплементации западных институтов в постсоветской России)

Капогузов Евгений Алексеевич

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Россия, e-mail: egenk@mail.ru

Латов Юрий Валерьевич

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: latov@mail.ru

Цитирование: Капогузов Е.А., Латов Ю.В. (2022). Адаптация к «навязанным» институциональным изменениям (на примерах имплементации западных институтов в постсоветской России). *Terra Economicus* 20(2), 132–146. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-132-146

Рассматривается восприятие россиянами импортируемых «западных» институтов с точки зрения оценки их дисфункций под влиянием специфики национальной институциональной среды. Эмпирической базой анализа являются материалы организованных Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2010–2020-х гг. общероссийских опросов и проведенной на базе ЮФУ фокус-группы. Четыре теоретических базовых конструкта – неприятие, принятие, адаптация (через послушание) и симуляция (ограниченная рациональность) – использовались для анализа последствий внедрения «навязанных» институтов (в ряде случаев – в контексте проблемы «работы на показатель»). Проблемы имплементации западных институтов рассмотрены на уровне российского общества в целом и более конкретно на уровне сферы образования. В центре анализа находится восприятие происходящих изменений адресатами импортируемых институтов. На основе анализа разработаны рекомендации по выработке методов адаптирования и трансформирования исследуемых импортируемых институтов в современной России.

Ключевые слова: импорт институтов; институциональные изменения; восприятие институтов; качество институтов

Финансирование: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при правительстве Российской Федерации по теме «Участие России в экспорте и импорте институтов».

Adapting to “imposed” institutional change (The case of Western institutions implemented in Post-Soviet Russia)

Evgeniy A. Kapoguzov

Dostoevsky Omsk State University, Russia, e-mail: egenk@mail.ru

Yuri V. Latov

Institute of Sociology RAS, Moscow, Russia, e-mail: latov@mail.ru

Citation: Kapoguzov E.A., Latov Y.V. (2022). Adapting to “imposed” institutional change (The case of Western institutions implemented in Post-Soviet Russia). *Terra Economicus* 20(2), 132–146 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-132-146

We analyze the Russians’ perception toward imported “Western” institutions through the lens of their dysfunctionality which occurs due to specific national environment. The empirical data for this study came from all-Russian surveys organized and conducted by the Institute of Sociology RAS (Moscow, Russian Federation) from 2010 to 2020, as well as from focus groups conducted in the Southern Federal University. We apply four basic theoretical constructs – non-acceptance, acceptance, adaptation (through obedience), and simulation (bounded rationality) – to analyze the consequences of “imposing” institutions (including the problem of “indicator-oriented work”). The problems related to Western institutions implementation in Post-Soviet Russia are considered with a particular focus on the sphere of education. The key point for our analysis is the perception of ongoing institutional change by the participants involved. The paper contributes to existing literature by providing recommendations on developing methods to adapt and transform the imported institutions in modern Russia.

Keywords: import of institutions; institutional change; perception of institutions; quality of institutions

Funding: The article was supported by the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation, project “Participation of Russia in Export and Import of Institutions”.

JEL codes: B15, B52, I23

Введение

Тревожные события 2022 года высветили противоречие, которое постоянно наблюдается в постсоветской России. С одной стороны, институциональный выбор 1991 года в целом не подвергается сомнению: хотя распад СССР осуждается и даже отчасти аннулируется, но никто даже не пытается вернуть коммунистическую идеологию и аннулировать приватизацию. С другой стороны, хотя самоочевидно западное происхождение базовых постсоветских «правил игры» (рыночное хозяйство и демократия), но отношение к «коллективному Западу» всегда оставалось в новой России настороженным, эволюционируя от формального союзничества в 1990-е до «санкционной войны» с 2014 года. Проявлением этого противоречия являются зигзаги в имплементации многих конкретных пришедших с Запада институтов. Например, отношение к стандартам Болонского процесса менялось от значительного вовлечения в него российского образования в 2000-х гг. до официальных заявлений в мае 2022 г., что Россия откажется от Болонской системы и начнет развивать собственную модель высшего образования¹. В таких «чудесах на виражах» есть, безусловно, элементы политической конъюнктуры, однако есть и более глубокие причины, связан-

¹ Глава Минобрнауки Фальков заявил о намерении РФ выйти из Болонской системы образования. *Известия*, 25 мая 2022. <https://iz.ru/1339560/2022-05-25/glava-minobrnauki-falkov-zaiavil-o-namerenii-rf-vyiti-iz-bolonskoi-sistemy-obrazovaniia>

ные с общими (касающимися отнюдь не только России) проблемами имплементации западных институтов в процессах догоняющего развития всех «восточных» (в широком смысле слова) стран мира.

Импорт институтов и навязанные институциональные изменения: теоретический фундамент анализа

Институциональная экономическая теория за последние полвека после выхода революционной работы (North and Thomas, 1973) проделала большой путь – от «в этой идее что-то есть» до «кто же в этом сомневается». Этот взрыв популярности заметен даже по заглавиям: если в конце прошлого века чаще писали, что институты «имеют значение» (*Institutions Matter* – см., например, North, 1994), то уже в 2000-х широкую популярность завоевала работа «Институты главенствуют» (*Institutions Rule* – Rodrik et al., 2002), где доказывалось, что факторы качества институтов (прежде всего, защиты прав собственности и правовой системы) объясняют межстрановые различия в долгосрочных темпах роста гораздо лучше всех других факторов. Отсюда вытекал вывод, что, по пословице, если хочешь накормить голодного, то не давай ему рыбу, а научи пользоваться удочкой. Однако «научить» неевропейские страны успешно использовать те «правила игры», которые выработала западноевропейская цивилизация, оказалось очень непросто. Провалов в импорте западных институтов насчитывается едва ли не больше, чем успехов, что хорошо видно и по развитию постсоветских стран (см., например, Beck and Laeven, 2005).

Как отмечалось в целом ряде работ (Тамбовцев, Рождественская, 2019; Капогузов и др., 2019), результаты импорта институтов будут успешны тогда, когда в процессе импорта учитывается как специфика институциональной среды страны-реципиента, так и конгруэнтность импортируемых институтов. Также важно, чтобы способы импорта институтов были реализуемы. При этом импорт институтов является частным случаем процесса институциональных изменений. В случае их сознательного проектирования значимость учета специфики институциональной среды многократно возрастает. Как показывает опыт реформ в общественном секторе, именно неучет данных обстоятельств приводит к эффектам экзаптации и дисфункции институтов (Журбатова и др., 2020; Тамбовцев, 2020) и практически к провалу реформ. Высокая инертность национальных социально-экономических систем, препятствующая внедрению «инокультурных» институтов, осознана как одно из проявлений маркоэкономической зависимости от предшествующего развития (Margolis and Liebowitz, 1995; Mahoney, 2000).

Анализ сформировавшейся в России в конце XX в. институциональной среды с формально рыночными параметрами (признанными в том числе зарубежными структурами и организациями) позволяет сделать вывод, что далеко не всякий набор правил обеспечивает снижение неопределенности и, соответственно, экономию на трансакционных издержках и тем самым эффективность процесса институциональных изменений. Для этого правила, образующие институциональную среду, должны быть более или менее:

- 1) *согласованы* одно с другим;
- 2) *понятны* игрокам, действия которых с их помощью регламентируются;
- 3) в достаточной степени *стабильны*, что в условиях неопределенности позволяет согласовывать ожидания субъектов, принимающих экономические решения.

Результатом институционального импорта должно быть повышение качества институтов, которые замещают «старые институты». Вопрос о качестве институтов стал активно обсуждаться в российском дискурсе в последние годы. Согласно позиции В.Л. Тамбовцева, с точки зрения измерения следует различать свойства отдельного института и свойства (качества) национальной институциональной среды (Тамбовцев, 2021). Рассматривая свойства отдельных институтов, необходимо отметить, что наиболее целесообразно анализировать результаты воздействия на поведение людей, готовность адресатов действовать по правилам. Согласно позиции Д. Фойгта, измерение результатов неформальных институтов аналогично оценке экономических результатов следования им (Voigt, 2018). В этой связи применительно к исследуемой проблематике важна легитимность институтов (Alonso and Garcimartin, 2013: 207). При этом легитимность определяется экспертным путем, страдающим субъективностью, либо путем репрезентативных опросов. Именно исходя из опросов и может в какой-то степени определяться успешность внедрения импортируемых институтов. Не менее важным является и готовность адресатов внедряемых правил к таким изменениям, их отношение (позитивное или негативное) к ним, прежде всего, с точки зрения прогнозируемых выгод и издержек. Последние должны быть компенсированы для адресатов, в противном случае возможны разные типы реакций на их внедрение.

Еще в работе О.А. Хиршмана «Выход, голос и верность» более чем полвека назад были предложены варианты реакции адресатов норм на «навязанные сверху» институциональные изменения (Hirschman, 1970). Их можно рассмотреть в виде своеобразной матрицы, в которой применяется соглашательская и конформистская позиция «лояльности» (в двух вариантах) – послушание и ограниченная рациональность, и с другой – альтернативы неприятия в виде стратегии «голос» (voice), в том числе воздействие с помощью легальных методов гражданского действия (митинги, демонстрации, политические дебаты, воздействие через прессу и т.д.). Стратегия «выход» (exit), в свою очередь предполагает «голосование ногами», вплоть до иммиграции в страны с иными институциональными системами как реакцию на политику, которая не устраивает индивидов. Эта концепция О. Хиршмана оказала существенное влияние на более комплексное понимание механизмов воздействия на качество благ как в частном, так и в общественном секторах (Ossandon, 2021).

На основе идей О. Хиршмана в последующем разрабатывались преимущественно теоретико-игровые концепции, в разной степени оценивающие эффективность для адресатов навязанных изменений использования стратегий «выход» и «голос» (John, 2017). Так, в работе О. Джеймса и П. Джона выявляется применительно к сфере здравоохранения, что увеличение числа опций в рамках стратегии «голос» сокращает возможности для использования «голоса», а отношения между ними модерируются факторами лояльности (верности), что может повысить удовлетворенность потребителей и снизить отказы от предоставляемых услуг (James and John, 2021). Как отмечает О.Э. Бессонова применительно к публичным гражданским протестам, на основе теории Хиршмана обосновывается универсальный современный характер жалобы как сигнального механизма (Бессонова, 2020).

Далее мы рассмотрим сначала общее восприятие современными россиянами импортируемых базовых западных институтов в контексте их общего отношения к данному стратегическому пути развития российской институциональной системы, а потом – ситуацию импорта институтов в российском высшем образовании и науке как частный случай процесса импорта институтов.

Отношение россиян к Западу как импортеру институтов

Исторический опыт показывает, что импорт институтов в любой конкретной стране (не только его результативность, но и само решение о копировании чужих «правил игры») очень сильно зависит от национальных общекультурных установок (см., например, Аузан, 2022).

В качестве примера тормозящего влияния национальной культуры на импорт институтов достаточно сослаться на Россию XVI–XVII вв., когда табуировалась сама идея каких-либо институциональных заимствований «Третьего Рима» у априори враждебных «латинян». Чтобы переломить этот стереотип, органично связанный с претензией православного христианства на единственно верную ортодоксальность, правителям России рубежа XVII–XVIII вв. пришлось буквально «ломать через колено» тех, кто выступал защитником строгой приверженности «старине» (репрессии против старообрядцев, стрельцов и т.д.). По сути, в России того периода наблюдалась ситуация принудительной «вестернизации». Но настороженно-враждебное отношение к Западу оставалось существенным элементом общественного сознания всех слоев российского общества и в течение последующих столетий, хотя и меняло форму. В частности, в СССР на время исчезла конфессиональная неприязнь, замененная почти официальной обязанностью «передовых советских людей» смотреть на «буржуев» свысока. Этот устойчиво воспроизводящийся авторитарный стереотип российской культуры противостоит культурным установкам, например, жителей Японии, которые не только в XIX–XX вв., но и в предыдущие столетия активно заимствовали у других народов многие важные культурно-институциональные комплексы (например, конфуцианство и буддизм).

Для постсоветской России главной непреходящей проблемой остается определение отношения к импорту «капиталистических» институтов из высокоразвитых стран Запада – и тем самым торможения или углубления этого импорта, неизбежного в эпоху глобализации. Конечно, такая формулировка содержит существенное упрощение, поскольку есть возможность импортировать не только «капиталистические», но и «социалистические» институты² не только с Запада, но и с Востока. В умах просвещенных россиян не только в 1980–1990-е, но и в наши дни за роль образца для подражания активно конкурируют США и КНР, Швеция и Япония³. Если в «ельцинский» период официальной позицией федерального прави-

² Вопрос о том, что считать «капитализмом» и «социализмом», сам по себе дискуссионен. Не углубляясь в него, укажем, что далее речь пойдет о тех социально-экономических институтах, которые считаются типичными для «капитализма» (рынок, частная собственность, широкая демократия, платность социальных услуг) и «социализма» (планирование, коллективная собственность, авторитаризм, сильная социальная политика).

³ Речь идет не столько о реальных странах, сколько об определенных институциональных системах, ассоциируемых с ними.

тельства была однозначная ориентация на Запад, то «путинская» администрация постепенно перешла на позицию своего рода равноудаленности от всех зарубежных центров институционального импорта (особенно от Запада), акцентируя патриотический/националистический⁴ традиционализм, понимаемый предельно широко (включая ориентацию как на царскую Россию, так и на СССР). Поскольку к началу 2020-х гг. существующий политический режим подошел с изрядно растроченным авторитетом (Латов, 2021), Россия снова стоит перед очередным социально-политическим поворотом. Наблюдаемое в настоящее время «ралли вокруг флага» в связи с событиями на Украине дает отсрочку этому повороту, но отнюдь не снимает его с повестки дня. Это актуализирует вопрос о доминирующих в общественном сознании представлениях о желательном векторе импорта институтов, поскольку в периоды бифуркации влияние не-элитных слоев населения на государственную политику сильно растёт.

В рамках «запроса на перемены», который предъявляет в последние годы примерно половина населения России (Латова, 2021), наиболее сильными векторами являются либеральный, националистический и леворадикальный (Латов, 2019)⁵. Противоборство этих трех векторов выливается в столкновение мнений о том, насколько Россия восприняла институты «капитализма» и насколько она готова если не отождествить, то, по крайней мере, сопоставить себя с «коллективным Западом». Применительно к проблеме перспектив импорта институтов можно сказать, что принятие «капитализма» при отказе от «Запада» означало бы ориентацию на дальневосточные модели рыночного хозяйства, отказ от «капитализма» при принятии «Запада» – ориентацию на «скандинавский социализм» и т.д.

Исходя из этих предварительных соображений, по данным общероссийских репрезентативных социологических опросов последних двух десятилетий (в основном 2010-х гг.), организованных Институтом социологии ФНИСЦ РАН⁶, рассмотрим, как современные россияне относятся, с одной стороны, к Западу, а с другой – к базовым «капиталистическим» институтам: частной собственности и предпринимательству.

Антитеза «Россия – Запад», артикулированная в российской культуре по меньшей мере с XIX в.⁷, в постсоветской России мониторится социологами главным образом путем предложения респондентам выбрать предпочитаемый вариант парных утверждений «Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны» и «Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни». Согласно опросам Института социологии, на протяжении 2005–2021 гг. всегда абсолютно доминировало второе утверждение, которое высказывали 64–75% россиян (табл. 1). Весной 2022 г. мнение о незападном характере российской цивилизации подскочило почти до 80%, но этот подскок – неизбежное следствие патриотической консолидации, которая, как показал опыт 2010-х гг., действует на общественное сознание не слишком долго.

Таблица 1

Динамика доли россиян, отрицающих, что Россия должна жить по правилам западных стран, 2005–2021 гг., %

Отношение к Западу	2005	2011	2013	2014	2015	2019	2021	2022
Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни	73,6	67,6	63,5	74,5	75,3	68,4	65,1	77,9

Источник: составлено Латовым Ю.В. по данным Института социологии ФНИСЦ РАН

С учетом того, что более высокие показатели антизападных настроений фиксировались в периоды усиления связанных с событиями на Украине «информационных войн» (2005 г. – реакция на «оранжевую революцию», 2014–2015 гг. – реакция на «крымскую весну» и последующие донецко-луганские события), «нормальный» уровень российского «антизападничества» можно оценить примерно как 65–70%. Но эта оценка не окончательна.

Социологам и экономистам-бихевиористам (специалистам по поведенческой экономике) хорошо известно, что небольшие изменения формулировок одного и того же вопроса могут привести к существенным изменениям структуры ответов (Tversky and Kahneman, 1981). Действительно, в дилемме «Россия должна

⁴ В современной России происходит сильное сближение понятий «патриотизм» и «национализм», отражающее эволюцию общественного сознания и официального дискурса (см.: Сикевич, Федорова, 2021).

⁵ Собственно и политика существующего политического режима характеризуется этими же векторами, хотя и в совсем иной пропорции (больше национализма, меньше либерализма и «социализма»), чем у совокупности россиян с оппозиционными настроениями.

⁶ См. их обзор, например (Двадцать пять лет социальных трансформаций..., 2018).

⁷ См. обзор: Diligensky, G., Chugrov, S. (2000). "The West" in Russian mentality. <https://www.nato.int/acad/fellow/98-00/diliguenski.pdf>

жить по тем же правилам, что и современные западные страны» или «Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни» заложена жесткая установка, что Россия либо должна «слиться» с Западом, либо нет. Поскольку полного тождества российской цивилизации с западной заведомо нет, неудивительно, что более 2/3 россиян сомневаются в способности России *полностью* перенять «западный образ жизни» (его даже периферийно-западные страны – например Испания – не вполне перенимают). А как отреагируют россияне, если об их отношении к Западу спрашивать в более «мягкой» форме?

В 2014–2019 гг. во время опросов Института социологии респондентам предлагали ответить на вопрос об отношении к Западу, выбирая одну из двух антитез: «Россия – часть Европы. В 20 веке она оказала огромное влияние на судьбы европейских государств и народов, и в 21 веке она будет теснее всего связана именно с этим регионом мира» и «Россия не является в полной мере европейской страной. Это особая евразийская цивилизация, и в будущем центр ее политики будет смещаться на Восток». При использовании такой «мягкой» формулировки, когда респондентам предлагают выбирать между ориентацией на (Западную) Европу и на Восток, доминирование антизападных настроений в последнее десятилетие сохраняется, но заметно слабее, чем при «жестком» противопоставлении России и Запада (табл. 2).

Таблица 2
Динамика доли россиян, отрицающих, что Россия должна жить по правилам западных стран, %

Отношение к Западу	2000	2014	2016	2018
Россия не является в полной мере европейской страной. Это особая евразийская цивилизация, и в будущем центр ее политики будет смещаться на Восток	34,6	63,5	59,8	51,6

Источник: составлено Латовым Ю.В. по данным ИС РАН

Согласно табл. 1, в 2014–2019 гг. антизападные настроения выражали 68–75% россиян, а согласно табл. 2 – 52–64%. Очень похожий показатель был получен во время опроса в марте 2021 г., когда респондентам тоже предложили выбирать между Востоком и Западом, но в другой формулировке антитезы: «Россия – евразийская держава и должна активнее сотрудничать со странами Востока (Китай, Индия и пр.), чем со странами Запада» и «Восток – особый мир, и с ним надо быть очень осторожным, проще ориентироваться на более тесно связанный с нами своей культурой Запад». Первый вариант выбрали 52,9% респондентов, что очень близко к данным за 2018 г. из табл. 2. Поэтому можно сделать вывод, что при выборе между ориентацией на Запад и на Восток сохраняется доминирование антизападничества, но не очень сильное (не более 2/3, как в предыдущем случае, а чуть более 1/2).

Наконец, во время социологических опросов Института социологии дважды респондентам задавали прямые вопросы об отношении к «копированию» чужого опыта (табл. 3). С интервалом почти в 20 лет были получены очень близкие результаты: следование западной модели одобряет ничтожно малая (4–6%) доля россиян; на порядок чаще (35–39%) встречается мнение, что Россия должна не копировать опыт каких-либо других стран, а «жить своим умом».

Таблица 3
Динамика доли россиян, по-разному оценивающих копирование опыта других стран, %

Варианты ответа на вопрос «Как Вы думаете, какие главные уроки должна извлечь Россия из исторического опыта прошедшего столетия?»	2000	2017
Не надо «изобретать велосипед»; западная модель развития наиболее эффективна, надо твердо ей следовать	4,2	6,4
Россия должна жить своим умом и идти своим путем, а не копировать опыт других стран	39,0	34,9
Запад – извечный враг России, именно он противодействует ее процветанию	13,2	14,8

Источник: составлено Латовым Ю.В. по данным ИС РАН

Обобщая результаты социологических опросов, можно сформулировать вывод, что хотя в целом у россиян нет однозначно негативного восприятия Запада и западной цивилизации⁸, однако есть доминирование негативного отношения к заимствованию западных институтов – как, впрочем, к заимствованию

⁸ В частности, на прямой вопрос об отношении к Западу в 2017 г. лишь 32,7% указали, что «видят в Западе больше плохого, чем хорошего», а чаще всего (48,7% опрошенных) высказывалось мнение, что в западной цивилизации видят «много и хорошего, и плохого».

зарубежных институтов вообще. В рамках антитезы «самобытность России – ориентация на Запад» россияне однозначно выбирают самобытность, а в рамках антитезы «ориентация на Запад – ориентация на Восток» они менее однозначно, но все же выбирают Восток. Эта закономерность проявляется на протяжении всего последнего десятилетия, слабо меняясь под влиянием политической конъюнктуры.

Отношение россиян к импортированным «капиталистическим» институтам

Рассмотрим теперь подробнее отношение россиян к конкретным базовым институтам «западной матрицы» – частной собственности и предпринимательству.

На прямой вопрос, как они относятся к существованию в стране частной собственности, респонденты во время опросов постсоветского периода чаще всего отвечали «положительно». Симптоматично, однако, что во время последнего опроса с таким вопросом неположительных ответов оказалось гораздо больше: в 2019 г. 41% россиян относились к частной собственности положительно, но 36% нейтрально, 12% затруднились ответить, а 11% дали отрицательный ответ (табл. 4).

Таблица 4

Динамика отношения россиян к частной собственности, %

Варианты ответов	1990, опрос ВЦИОМ	Опросы Института социологии		
		2005	2014	2019
Положительно	45	52	61	41
Нейтрально	29	24	30	36
Отрицательно	24	16	9	11
Затруднились ответить	2	8	–	12

Источник: составлено Латовым Ю.В. по данным ИС ФНИСЦ РАН

Сопоставление с предыдущими общероссийскими опросами показывает, что хотя пропорции ответов сильно варьировались, но доля неположительных ответов всегда была выше 1/3. Последний опрос Института социологии показал результаты, парадоксально очень близкие к результатам опроса ВЦИОМ в предпоследний год существования СССР (главное отличие между ними – сокращение доли отрицательных ответов за счет роста нейтральных и «затрудняюсь ответить»).

Изучение дифференциации мнений в различных социальных группах показало, что выражающие отрицательное отношение к частной собственности сосредоточены главным образом в трех самых «слабых» социальных группах. Это – пожилые (старше 50 лет), бедные (по их самооценке) и низкообразованные (с образованием не выше среднего). Следует при этом подчеркнуть, что хотя в трех слабых социальных группах неприятие частной собственности является заметно более (в 1,5–2,5 раза) частым, чем у россиян в целом, но и в таких группах положительное отношение к частной собственности наблюдается чаще, чем отрицательное.

Максимальная доля противников частной собственности в современном российском обществе может быть получена анализом ответов респондентов, которым надо было выбирать, с каким из крайних суждений они больше согласны: «Только обладание собственностью делает человека по-настоящему свободным» (в 2019 г. ее выбрали 70%) или «По-настоящему свободен лишь тот, кто не имеет никакой собственности; собственность лишь закабалает человека» (соответственно 30%). Эта дилемма показывает, что даже при предельно широкой оценке доли противников частной собственности они сильно уступают ее сторонникам. Данная тенденция является устойчивой: во время опросов в 2005–2015 гг. указанная дилемма предлагалась респондентам 4 раза, и каждый раз сторонники частной собственности (от 61% в 2010 г. до 73% в 2015 г.) сильно преобладали над ее противниками.

Следует отметить большое значение в общественном сознании смешанных (не положительных, но и не отрицательных) оценок частной собственности. Она нечасто рассматривается как откровенно негативное явление, но и те, кто ее однозначно одобряют, составляют заметно менее половины граждан. Это значит, что начавшееся в конце прошлого века «привыкание» к этому «реабилитированному» институту еще не завершилось, хотя этот процесс активно идет (в частности, неприятие частной собственности среди молодых россиян встречается в 5–6 раз реже, чем среди пожилых).

Рассмотрим далее отношение россиян к предпринимательству. Это очень важно для понимания принятия россиянами «капиталистических» институтов, поскольку главным социальным актором развитого (с наемным трудом) рыночного хозяйства, бесспорно, является предприниматель.

Когда в 2019 г. респондентам предложили охарактеризовать нынешних российских предпринимателей (табл. 5), то распределение оценок оказалось асимметричным: суммирование позитивных суждений составило 132%, в то время как суммирование негативных – 106%, т.е. позитивные ответы давали примерно на 1/4 чаще. Иначе говоря, современные россияне чаще одобряют предпринимателей, чем осуждают. Это заметно отличается от ситуации в 2001 г., когда пропорция была иной, – тогда соотношение было соответственно 118% против 135%. Зато в сравнении с 2005 г., когда соотношение было 139% против 107%, ситуация почти не изменилась.

Таблица 5

Мнения россиян о качествах большинства предпринимателей

Личные качества предпринимателей	Доля респондентов, %		
	2001	2005	2019
Позитивные суждения			
Энергичность, инициативность, находчивость	44	51	41
Хорошие организаторские способности	28	30	37
Профессионализм, компетентность, знание своего дела	22	29	29
Трудолюбие, работоспособность	24	29	25
ВСЕГО	118	139	132
Негативные суждения			
Безжалостность, потребительское отношение к людям	35	27	32
Рвачество, стремление к легкой наживе	32	27	29
Безразличие к государственным и общественным интересам	36	27	28
Непорядочность, нечестность, неразборчивость в средствах	32	26	17
ВСЕГО	135	107	106

Источник: составлено Латовым Ю.В. по данным ИС ФНИСЦ РАН

Таким образом, можно утверждать, что в первой половине 2000-х гг., после завершения затяжного трансформационного кризиса, россияне убедились, что отечественные предприниматели действительно способны «худо-бедно» организовывать производство, но не могут организовать «прорывное» развитие. Поэтому с тех пор до настоящего времени позитивные мнения о предпринимателях встречаются хотя и чаще, чем негативные мнения, но ненамного.

Полученный результат почти совпадает с другой пропорцией ответов, когда респондентам надо было выбрать, с чем они больше согласны: с тем, что предприниматели «наживаются на чужом труде», или с тем, что они «дают людям рабочие места». За первый вариант в 2019 г. высказались 43%, за второй – 57%, т.е. благожелательное отношение к предпринимателям проявляется на 1/3 чаще, чем негативное. И здесь в динамике заметно усиление позитива в восприятии бизнеса: во время опроса 2005 г. мнение об эксплуатации чужого труда выбирали несколько чаще (47%), а мнение о создании рабочих мест – чуть реже (53%).

Социальная структура тех, кто видит в предпринимателях лишь негатив, снова демонстрирует повышенную долю представителей трех «слабых» социальных групп: среди них почти половина (48%) оценивает свое материальное положение как плохое (в населении в целом таких только 32%), почти половина (46%) – люди старше 50 лет (в населении их – 35%), 22% – люди с образованием не выше среднего (в населении таких – 18%). Следовательно, повторяется вывод, сделанный ранее о россиянах, негативно относящихся к частной собственности: негативно относящиеся к предпринимателям являются меньшинством, среди них также сильно повышена доля бедных и пожилых.

Итак, как показал анализ репрезентативных общероссийских социологических опросов, в отношении обоих базовых институтов «капитализма» – частной собственности и предпринимательства – одобрительные оценки превалируют над осуждающими, причем многие россияне не имеют по данным вопросам четкой позиции. Негативное отношение к частной собственности и предпринимательству

гораздо чаще наблюдается в «слабых» социальных группах (малоимущие, пожилые, люди с низким образованием), но и в этих группах негативное отношение к ним не является абсолютно доминирующим. Принципиально важно отметить, что на протяжении последних двух десятилетий наблюдается общий рост положительного отношения к частной собственности и предпринимательству – базовым институтам «капиталистической» экономики.

В целом изучение общественного сознания россиян как фактора, который существенно детерминирует выбор вектора импорта институтов, позволяет сделать два вывода:

- россияне в целом скорее одобряют «капиталистические» институты частной собственности и предпринимательства (особенно наиболее сильные категории населения);
- россияне в целом негативно относятся к импорту институтов с Запада, предпочитая ориентацию на опыт стран Востока.

Обе отмеченные характеристики (прорывность и антизападность) общественного сознания россиян являются скорее относительными, чем абсолютными: одобрение капиталистических институтов и осуждение ориентации на Запад хотя и превосходят противоположные тенденции, но не слишком сильно. Тем не менее принятие «капитализма» и отторжение Запада – реалии современного общественного сознания россиян. Такое сочетание предполагает объективную предрасположенность современной России к импорту социально-экономических институтов скорее из дальневосточных стран (Япония, Южная Корея, КНР), чем из западноевропейских.

Проблема восприятия импортированных институтов в сфере высшего образования

В предыдущем разделе доказывалось, что ориентация на импорт в Россию социально-экономических институтов главным образом из Западной Европы обречена наталкиваться на осознаваемые россиянами качественные отличия отечественной цивилизации от западноевропейской. Эти отличия совсем не обязательно будут неодолимыми: история демонстрирует большое количество примеров, когда пришедшие с Запада институты (регулярная армия, высшее образование, банки, коммунистическая идеология, социальные сети...) с течением времени совершенно теряли следы западного происхождения и начинали восприниматься как органичная часть жизни российского общества. Однако в начале освоения любых новых «правил игры» неизбежны различные проявления реакции отторжения. Для их изучения в качестве case-study хорошо подходит внедрение в России уже упоминаемых западных образовательных институтов, активно проводившееся после присоединения России в 2003 г. к Болонскому процессу и заслужившее многие критические отзывы.

Среди институтов в сфере образования, которые можно отнести к импортируемым, в том числе вследствие политики менеджизации высшего образования (Курбатова, Левин, Саблин, 2020), можно выделить шесть «правил игры».

1. Приведение принципов организации высшего образования к западным стандартам в рамках Болонского процесса и последующих инициатив в сфере образования Евросоюза (Копенгагенский и Туринский процессы). В частности, речь идет о двухуровневой системе образования; превращении аспирантуры в один из уровней образования; повышении академической мобильности.

2. Введение системы «эффективных контрактов», в частности предполагающей «работу на показатель».

3. Возрастание отчетного формализма и бюрократических проверок, связанных с огромным ростом «подотчетности».

4. Повышение значимости внеучебной деятельности преподавателей и студентов. Если раньше преподавателям рекомендовали, то теперь от них требуют участия в научной деятельности, отражаемой в наличии высокорейтинговых публикаций, в том числе в зарубежных журналах.

5. Нацеленность программ развития вузов на занятие максимально высокого места в международных рейтингах (например, Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров, Проект 5-100).

6. Создание в университетах фондов целевого капитала (эндаументов) как части системы финансирования внутренних программ развития вузов.

На наш взгляд, наиболее проблемным и негативно воспринимаемым, как показывают опросы преподавателей вузов России, является 3-й пункт данного перечня: формализм и бюрократизация, буквально «бумажный геноцид» (Осипов, 2020), которые, впрочем, характерны и для многих других сфер

общественного сектора России. В процессе реформирования высшей школы при внедрении института подотчетности наблюдается действие так называемого закона (принципа) Гудхарта: когда какой-либо показатель становится целевым для достижения целей экономической политики, он перестает быть достойным доверия (Goodhart, 1975). Эта ситуация является проявлением более общей проблемы использования показателей как целей для социально-экономической политики, сформулированной Куком и Кэмпбеллом: «Чем больше количественный показатель используется для принятия решений в социальной политике, тем больше он подвержен различным искажениям и тем больше он будет искажать социальные процессы, которые связаны с проводимой политикой» (Cook and Campbell, 1979).

В рамках общественного сектора экономики, особенно в сфере образования и науки, за последние десятилетия был осуществлен масштабный импорт институтов, связанных с планированием и измерением эффективности на основе количественных показателей. В результате такого институционального импорта сформировалась дисфункция институтов измерения эффективности на основе показателей, характеризующаяся возникновением устойчивых субоптимальных институтов, которые создают искаженные стимулы и мотивы для акторов в сфере образования и науки (Вольчик, Маслюкова, 2018).

К другим резко негативным проявлениям бюрократизации сферы высшего образования относятся имитационные практики, связанные с необходимостью «работы на показатель» (2-й пункт перечня новых «правил игры»). Следствием этого является возрастание централизации и вертикальной дифференциации вузов. Так, Счетная палата РФ, сделав вывод о в целом позитивном воздействии на развитие российской системы высшего образования Проекта 5-100, отметила: «вузы, принимающие участие в Проекте 5-100... аккумулировали большую часть финансовых и кадровых ресурсов, привлекали наиболее перспективных студентов и исследователей, что усилило диспропорции внутри системы высшего образования в Российской Федерации»⁹. В результате зачищается образовательное пространство: «можно говорить о формировании университетских оазисов и пустынь... [причем] более половины территории Российской Федерации составляет образовательную (университетскую) пустыню» (Габдрахманов, 2019: 7).

Между тем гумбольдтианские академические принципы, в частности автономия от государства (Bourdieu, 1998), особый этос, субкультура и система ценностей, вовсе не позволяют вузам, в частности западным, избавиться от бюрократизации (см., например, Spector, 2018). Однако российская университетская традиция принципиально иная, более подверженная бюрократическим дисфункциям. Ведь российское высшее образование изначально, с XVIII в., находилось под госконтролем, воспринимая его как «естественную» заботу просвещенных правителей о «науках творческих, высоких и прекрасных». Обратной стороной этой заботы были слабость академического самоуправления, высокая готовность подчиняться, подобно обычным госслужащим, любым идущим «сверху» реформам. А у отечественных «просвещенных правителей» в отношении вузовской системы тоже были и есть такие мотивы принятия институциональных решений, которые не сводятся к заботам о росте образованности (см., например, Forrat, 2016).

Проблема не только в том, что «спущенная сверху» реформа может быть «не очень» верной, но и в том, что не все акторы реформ понимают и правильно интерпретируют меры регулирования и управленческие решения. В этой связи типичной реакцией на вводимые институциональные изменения может быть не только явное принятие в форме поддержки проводимых нововведений, когда возникают позитивное их одобрение и добросовестное следование новым правилам, но и вынужденное принятие («послушание») как форма адаптации, или точнее – адаптивной рациональности. Вторая форма поведения распространяется тем шире, чем менее понятны и одобряемы общие принципы новой реформы: «Предприниматели, профессура университетов, государственные служащие – все с легкостью нарушают правила игры, поскольку никто не знает точно, каковы они» (Грэхем, 2014: 377).

Отношение акторов российского высшего образования к импортированным образовательным институтам

Рассмотрим теперь, как институциональные изменения в российском высшем образовании воспринимались их адресатами – вузовским преподавательским сообществом и студентами вузов.

Так, с помощью фокус-групповой методики в сфере образования и науки необходимо выявить ключевые группы интересов, углубить анализ институциональных ловушек, а также разработать механизмы

⁹ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ эффективности мер государственной поддержки российских университетов, направленных на повышение их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров». Утвержден Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 2 февраля 2021 г. <https://ach.gov.ru/upload/iblock/ab8/ab8e9ce46a64ed39020f200d407dde1.pdf>.

их преодоления на основе выявления установок информантов – научно-педагогических работников, а также работников, выполняющих руководящие и управленческие функции в сфере образования и науки. В рамках исследования восприятия отмеченных ранее импортированных образовательных институтов в 2021 г. в Южном федеральном университете были проведены фокус-группы (Вольчик и др., 2021). Из существующих текстов углубленных интервью нами отобраны 15 информантов (среди них – 2 преподавателя, 5 доцентов, 2 профессора, 4 заведующих кафедрой и 2 аспиранта (молодых преподавателя)).

Интерпретируя результаты данных фокус групп, исходя из интервью преподавателей-информантов, применительно к возникающим институциональным дисфункциям импортируемых институтов, можно выделить:

1) дисфункцию, связанную с доминированием количественных оценочных показателей. Информанты были едины во мнении, что количественная оценка эффективности образовательной деятельности в вузах, которая реализуется через различные показатели и пропорции, никогда не может отобразить истинное положение дел в образовании. В то же время частичный или полный отказ от количественных метрик не представляется информантам оправданным. Целесообразно изменить функциональную наполняемость количественной оценки, сделав из нее вспомогательный инструмент, *дополняющий*, но не *заменяющий* экспертную оценку. Однако на сегодняшний день дисфункция институтов, связанных с использованием показателей, состоит в том, что она является закономерным итогом институциональных изменений в системе образования, которые привели к унификации и обобщению дифференцированных особенностей развития системы. Как правило, метрики спускаются «сверху» и всегда исходя из усредненных значений. Например, количественное соотношение между контингентом студентов и численностью вузовских преподавателей изначально в 2012 г. было установлено в программе развития системы высшего образования как среднее целевое значение. Однако в последующем этот показатель стал идентифицироваться как директивный и обязательный к выполнению сначала на уровне отдельных вузов, в последующем – на уровне отдельных структурных подразделений (факультетах и кафедрах). При этом связь между конкретными исполнителями (преподавателями) и администраторами процессов количественной оценки (менеджерами) носит однонаправленный характер, когда первые подчиняются вторым. В связи с этим информантами отмечается тесная связь между дисфункцией, связанной с доминированием показателей, и дисфункцией увеличивающейся бюрократизации;

2) дисфункцию увеличивающейся бюрократизации. Имеющие опыт подготовки и прохождения аккредитации информанты указывают, что бумажное сопровождение образовательных программ стало более трудозатратным, чем работа со студентами, подготовка учебных программ и научная деятельность. Информанты отмечают также, что большая часть реализуемой в области документооборота работы является бессмысленной, так как не отражает качество образования. В учебных заведениях отсутствуют явные показатели, которые могли бы привязать объемы документооборота и численность бюрократического аппарата к зависимости от контингента студентов, а также привлекаемого финансирования от научных и хозяйственных проектов. Таким образом, дисфункции институтов показателей и увеличивающейся бюрократизации обнажают конфликт между рыночными критериями оценки эффективности вузов и их социальными функциями, которые вытекают из принадлежности учебных заведений к общественному сектору;

3) дисфункцию финансирования. Данная дисфункция является прямым следствием импорта институтов менеджериализма в общественном секторе. Речь идет не о декларативной, а неявной задаче сокращения государственных расходов на «нерентабельные» учреждения, а также введения нормативного (подушевого) финансирования. Здесь отмечается ряд проблем, связанных с унификацией и отсутствием дифференциации. В контексте дисфункции институтов финансирования фиксируется отсутствие логики разделения финансирования по потребностям образовательных программ. Так, при определении подушевого финансирования чаще всего берется за основу финансирование структурных подразделений, из-за чего более затратные в технологическом плане образовательные программы (например, химия, физика и прочие) не могут, исходя из имеющихся ресурсов, обновлять оборудование и обеспечивать образовательный процесс современной экспериментальной базой. Приобретение такого оборудования за счет рыночных рычагов финансирования, по мнению информантов, попросту невозможно. Кроме того, к одной из важнейших составляющих дисфункции финансирования относится кадровое обеспечение, которое вызывает у информантов наибольший ажиотаж. Дело в том, что для подготовки кадров, соответствующих квалификационным требованиям работы в высшей школе, требуется огромное количество ресурсов, которые возлагаются на молодых преподавателей и не подлежат компенсации в краткосрочной перспективе. Как следствие этого, перспективные молодые кадры в меньшей степени заинтересованы связывать свою судьбу с высшим образованием, что усиливает влияние дисфункции институтов, определяющих качество образования;

4) дисфункцию институтов, определяющих качество образования. Согласно мнению информантов, данная дисфункция должна быть поставлена на первое место по приоритетности, так как главной функцией высшего образования является именно возвращение кадров. В то же время информантами отмечено, что российская система направлена в первую очередь на воспитание интеллигентного человека, а не высококлассного специалиста, как в западных странах;

5) дисфункцию воспроизводства кадрового потенциала. Такая дисфункция институтов является следствием всех предыдущих. Например, один из информантов связывает ее с тем, что преобладает дисфункция институтов через разрыв между наукой и образованием. По его словам, «они аспирантуру сделали следующим образом: вы получаете в конце диплом, защищаете ВКР аспиранта, получаете диплом аспиранта и в большинстве своем довольны, вы дальше не идете на степень. Соответственно, нет связи между наукой и образованием, потому что вот здесь, на этом моменте, мостик расходится». Таким образом, дисфункция институтов кадрового потенциала может считаться результирующей переменной для оценки эффективности.

Что же касается восприятия проводимых институциональных изменений со стороны студентов, то их реакции не слишком отличаются от мнений преподавателей. Проведенный несколько лет назад анализ глубинных интервью студентов, отражающих способы и механизмы адаптации респондентов к институциональным изменениям, реализуемым в системе высшего образования, позволил выделить две формы адаптивного поведения – через послушание (75% студентов) и через ограниченную рациональность (25%). При этом сами студенты среди принципов, которые помогают адаптироваться к изменениям, выделяют не только упорство, саморазвитие, ответственность и стремление к образованию, но также такие «неблагородные» качества, как «использование всех возможностей» и хитрость (Вольчик и др., 2017: 125).

Конечно, отнюдь не все из импортируемых институтов влияют на развитие российского высшего образования преимущественно негативно. Например, импортированный институт университетских фондов целевого капитала (эндаументов) в крупнейших российских вузах прижился довольно успешно. Так, согласно данным Европейского университета в Санкт-Петербурге среди крупнейших университетских эндаумент-фондов в России успешно функционируют фонды Сколтеха, ЕУСПб, МГИМО, СПбГУ, НИУ ВШЭ, РАНХиГС (ФОРСЭНО), ВШМ СПбГУ, СВФУ, МФТИ, ДВФУ¹⁰. Инвестирование средств эндаументов позволяет получать доход, который используется на цели, способствующие перспективному развитию университетов, финансирование внутренних грантовых программ, покупку современного оборудования и материалов, необходимых для проведения исследований мирового уровня. Безусловно, для широкого распространения эффективного института эндаументов понадобится значительное время и создание комплементарных институтов в сфере бизнеса и некоммерческой деятельности, но сама тенденция представляется перспективной для российских университетов. Она в целом может рассматриваться как один из немногих импортируемых институтов, оцениваемый положительно с позиций максимизации общественного благосостояния.

Сферы науки и образования образуют в современной России своего рода сообщающиеся сосуды: они имеют почти единую кадровую базу, их реформируют по одинаковым принципам и примерно одинаково (не)удачно. Соответственно, восприятие «навязанных сверху» институциональных изменений адресатами реформ в сфере российской науки тоже очень критическое.

Так, в докладе «Научная политика России – 2021», в котором изложены результаты проведенного в марте 2021 г. опроса научного сообщества страны по проблемам научно-технической политики и вводимым институциональным инновациям, более чем 7 тыс. респондентами из 80 регионов России высказано критическое отношение к проводимым реформам, базирующимся на импортируемых институтах. Речь идет о трех типах институтов:

- 1) заимствование «Пятикластерной модели» организации науки (как составляющего элемента немецкой программы «Инициатива превосходства»);
- 2) внедрение наукометрических показателей оценки труда ученых (как элемент нового государственного менеджмента, заимствованный в российской системе управления наукой);
- 3) внедрение программы 5-100 и системы рейтингования вузов.

Первая из институциональных новаций, «Пятикластерная модель», оказалась российским ученым мало знакомой и вызвала преимущественно негативную реакцию: по числу сторонников мнение о вредности обсуждаемого предложения для российской науки почти в 3 раза доминирует над мнением о его полезности (17% против 6% соответственно). При этом примерно одна четверть респондентов (24,4%) изначально

¹⁰ Национальная ассоциация эндаументов представила анализ рынка эндаументов в РФ за 2019 год. <https://eusp.org/news/nae-predstavila-analiz-rynka-endaumentov-v-rf-za-2019-god> (дата доступа: 10.10.2021)

посчитали рассматриваемый информационный повод как лишенный серьезности («инициатива ради инициативы»)» (Гусев, Юревич, 2021: 21–22). В восприятии внедрения наукометрических показателей у опрошенных нет консенсуса. Общий вывод по данному направлению «состоит в том, что если основная научная результативность находится за рамками наукометрии, то требование от исследователей достигать новые наукометрические рубежи становится отвлечением их внимания на второстепенный объект» (Гусев, Юревич, 2021: 35). По сути, здесь опять-таки работает «закон Гудхарта». Что же касается третьей группы инициативы (программа 5-100 и рейтингование), то «консолидированное мнение опрошенных указывает на неудачу инициативы, не исключая некоторые вкрапления привнесенного ею позитива» (Гусев, Юревич, 2021: 42).

В целом относительно восприятия российским научным сообществом импортируемых инструментов сделан следующий обобщающий вывод: «попытки закрепить в российской науке заимствованные из-за рубежа инструменты, подходы и управленческие модели приводят к внутренней конфронтации по поводу их пользы или вреда. Это свидетельствует об их переоценке и явной недостаточности» (Гусев, Юревич, 2021: 72).

Заключение

Повышение результативности реализации стратегии импорта институтов требует «тонкой настройки» для преодоления наиболее негативно воспринимаемых элементов реформ.

Применительно к базовым институтам капитализма (частной собственности и предпринимательству) очевидно, что в условиях реального активного импорта институтов из развитых стран Запада необходимо «приглушить» слишком усилившуюся в последние годы антизападную риторику. Сочетание постоянной критики Запада с внедрением западных институтов порождает острый когнитивный диссонанс (по типу «если у них все плохо, то зачем мы это внедряем?»), снижающий авторитет осуществляющих такую политику организаций и лиц. Гораздо более разумным является «диалектическое» подчеркивание, что в передовых странах Запада до сих пор есть много ценного для подражания и что тотальное отрицание западного опыта столь же неэффективно, как и его тотальное механическое копирование.

Параллельно необходимо усиливать дифференцированное отношение к опыту развитых зарубежных стран. Первостепенное внимание надо обратить на частичную замену лозунгов «вестернизации» лозунгами «остернизации», т.е. на ориентацию на успешный опыт, прежде всего, «капиталистических» дальневосточных стран (типа Южной Кореи и Японии). Одновременно необходимо способствовать улучшению понимания качественных различий разных стран Запада, так что опыт одних западных национальных моделей (например, скандинавских) может быть для России более полезен, чем опыт других (например, англо-американских).

Что касается реформирования российской системы высшего образования, то тоже надо искать «золотую середину» между тотальной «болонкизацией» и тотальной «самобытностью».

Применительно к политике в сфере образования нужно, во-первых, признавая исследовательскую деятельность основой качественного университетского образования, все же больше внимания уделять развитию собственно сферы образования. Это требует отказа от слишком широкого использования наукометрических показателей для оценки деятельности вузов, их топ-менеджмента и преподавателей.

Во-вторых, следует «национализировать» приоритеты образовательной политики, отказавшись от подхода к оценке качества высшего образования главным образом через показатели его международной конкурентоспособности, индикаторы экспорта образования. За этим тактическим подходом теряется стратегическая задача обеспечения адекватности национальной и региональных систем высшего образования задачам социально-экономического развития страны и ее отдельных территорий, что принципиально важно в условиях возрастающих разрывов в их социально-экономическом развитии.

В-третьих, необходимо восстановить (или, скорее, создать) автономию вузов и де бюрократизировать их взаимодействие с федеральными и региональными органами власти, создать систему гарантий и защиты автономии от действий учредителя. Академическое самоуправление – тот западный институт, полезный потенциал которого явно недооценен.

При анализе последствий внедрения «навязанных сверху» институтов менеджизма в российской системе высшего образования показано, что стратегии адаптации адресатов институциональных изменений могут приводить к явному и скрытому оппортунизму, ведущему к снижению эффективности от проводимых изменений. Результатом является трансформация институтов в направлении их мутации и дисфункции. Для предотвращения таких негативных последствий рекомендуется реализация консенсус-

но-консультативного подхода и учет всех принципов институционального проектирования, которые были разработаны в том числе и в России (Тамбовцев, 1998). В частности, важно обратить внимание на предложенную Д. Родриком (Rodric, 2007) концепцию промежуточных институтов, специально разрабатываемых и внедряемых как «мостик» (который может быть весьма протяженным во времени) между отечественными и импортируемыми «правилами игры». Эти рекомендации по реорганизации имплементации институтов универсальны и относятся не только к высшему образованию, но и к другим сферам жизнедеятельности российского общества.

Литература / References

- Аузан А.А. (2022). *Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа*. М.: АСТ. [Auzan, A. (2022). *Cultural codes of the economy. How values affect competition, democracy and the well-being of the people*. Moscow: AST Publ. (in Russian).]
- Бессонова О.Э. (2020). Гражданские протесты как неформализованная часть института административных жалоб. *Общественные науки и современность* (1), 89–101. [Bessonova, O. (2020). Civil protests as an informal part of the institution of administrative complaints. *Social Sciences and Modernity* (1), 89–101 (in Russian).]
- Вольчик и др. (2017). *Институциональные изменения структуры российской сферы образования и адаптивное экономическое поведение (на примере Ростовской области)*. Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный университет, 212 с. [Volchik, V. et al. (2017). *Institutional change in the structure of the Russian education sector and adaptive economic behavior (on the example of the Rostov region)*. Southern Federal University. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 212 p. (in Russian).]
- Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. (2018). Ловушка метрик, или Почему недооценивается неявное знание в процессе регулирования сферы образования и науки. *Журнал институциональных исследований* 10(3), 158–179. [Volchik, V., Maslyukova, E. (2018). The metrics trap, or Why implicit knowledge is underestimated in the process of regulating the sphere of education and science. *Journal of Institutional Studies* 10(3), 158–179 (in Russian).]
- Вольчик В.В., Жук А.А., Фурса Е.В. (2021). Механизмы преодоления институциональных ловушек в сфере образования и науки. *Journal of Institutional Studies* 13(1), 135–155. [Volchik, V., Zhuk, A., Fursa, E. (2021). The ways to come over the institutional traps of higher education and science sphere. *Journal of Institutional Studies* 13(1), 135–155 (in Russian).]
- Габдрахманов Н.К. (2019). Концентрация студентов в системе высшего образования на карте Российской Федерации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика* 27(1), 7–17. [Gabdrakhmanov, N. (2019). The concentration of students in the higher education system on the map of the Russian Federation. *Bulletin of the Peoples Friendship University of Russia. Series: Economy* 27(1), 7–17 (in Russian).]
- Грэхэм Л. (2014). *Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России*. М.: Манн, Иванов и Фербер. [Graham, L. (2014). *Can Russia Compete? The History of Innovation in Tsarist, Soviet and Modern Russia*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber LLC Publ. (in Russian).]
- Гусев А.Б., Юревич М.А. (2021). *Научная политика России – 2021*. М.: Буки Веди. [Gusev, A., Yurevich, M. (2021). *Science Policy of Russia – 2021*. Moscow: Buki Vedi Publ. (in Russian).]
- Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа (2018). М.: Весь Мир. [Twenty-five Years of Social Transformations in the Assessments and Judgments of Russians: The Experience of Sociological Analysis (2018). Moscow: Ves mir Publ. (in Russian).]
- Капогузов Е.А., Левин С.Н., Саблин К.С. (2019). Что понимается под импортом институтов. *Журнал экономической теории* 16(3), 480–487. [Kapoguzov, E., Levin, S., Sablin, K. (2019). What is meant by the import of institutions. *Journal of Economic Theory* 16(3), 480–487 (in Russian).]
- Курбатова М.В., Левин С.Н., Саблин К.С. (2020). «Утроенный провал» институционального проектирования в реформировании высшего образования России. *Журнал институциональных исследований* 12(4), 94–111. [Kurbatova, M., Levin, S., Sablin, K. (2020). “Triple failure” of institutional design in reforming higher education in Russia. *Journal of Institutional Studies* 12(4), 94–111 (in Russian).]
- Латов Ю.В. (2019). Идеологические векторы и скаляры действий сторонников перемен. *Социологические исследования* (12), 15–28. [Latov, Yu. (2019). Ideological vectors and scalars of the actions of change advocates. *Sociological Research* (12), 15–28 (in Russian).]
- Латов Ю.В. (2021). Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга). *Политика. Политические исследования* (5), 161–175. [Latov, Yu. (2021). Institutional trust as social capital in modern Russia (based on monitoring results). *Policy. Political Studies* (5), 161–175 (in Russian).]

- Латова Н.В. (2021). Социально-экономическое положение акторов запроса на перемены. *Социологическая наука и социальная практика* **9**(2), 7–26. [Latova, N. (2021). Socio-economic position of the actors in the request for change. *Sociological Science and Social Practice* **9**(2), 7–26 (in Russian).]
- Осипов А.М. (2020). Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании. *Вестник РУДН. Серия: Социология* (4), 953–966. [Osipov, A. (2020). Bureaupathology and paper pressure in Russian education. *Bulletin of RUDN University. Series: Sociology* (4), 953–966 (in Russian).]
- Сикевич З.В., Федорова А.А. (2021). Границы русского патриотизма (опыт нереактивного и классического исследования). *Социологические исследования* (6), 134–146. [Sikevich, Z., Fedorova, A. (2021). The limits of Russian patriotism (An experience of non-reactive and classical research). *Sociological Research* (6), 134–146 (in Russian).]
- Тамбовцев В.Л. (2008). *Основы институционального проектирования: Учеб. пособие*. М.: Инфра-М. [Tambovtsev, V. (2008). *Fundamentals of Institutional Design*. Moscow: Infra-M Publ. (in Russian).]
- Тамбовцев В., Рождественская И. (2019). Импорт институтов и диффузия идей. *Журнал экономической теории* **16**(3), 468–479. [Tambovtsev, V., Rozhdestvenskaya, I. (2019). Import of institutions and diffusion of ideas. *Journal of Economic Theory* **16**(3), 468–479 (in Russian).]
- Тамбовцев В.Л. (2020). Действенность мер российской научной политики: что говорит мировой опыт. *Управление наукой: теория и практика* **2**(1), 15–39. [Tambovtsev, V. (2020). The effectiveness of Russian science policy measures: What the world experience says. *Management of science: theory and practice* **2**(1), 15–39 (in Russian).]
- Тамбовцев В.Л. (2021). Измерение институтов: что бы это значило? *Журнал экономической теории* **18**(2), 197–211. [Tambovtsev, V. (2021). Measuring institutions: what would it mean? *Journal of Economic Theory* **18**(2), 197–211 (in Russian).]
- Alonso, J., Garcimartin, C. (2013). The determinants of institutional quality. More on the debate. *Journal of International Development* **25**(2), 206–226.
- Beck, T., Laeven, L. (2005). *Institution building and growth in transition economies*. CEPR Discussion Papers 5718. <https://elibrary.worldbank.org/doi/epdf/10.1596/1813-9450-3657>
- Bourdieu, P. (1998). *Homo Academicus*. Cambridge: Polity Press.
- Cook, T., Campbell, D. (1979). *Quasi-Experimentation: Design and Analysis Issues for Field Settings*. Houghton Mifflin.
- Ferrat, N. (2016). The political economy of Russian higher education: why does Putin support research universities? *Post-Soviet Affairs* **2**(4), 299–337.
- Hirschman, O. (1970). *Exit, Voice and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organization and States*. Harvard University Press.
- Goodhart, C. (1975). Problems of monetary management: The UK experience. *Papers in Monetary Economics. Reserve Bank of Australia* (I).
- John, P. (2017). Finding exits and voices: Albert Hirschman's contribution to the study of public services. *International Public Management Journal* **20**(3), 512–529.
- James, O., John, P. (2021). Testing Hirschman's exit, voice, and loyalty model: Citizen and provider responses to decline in public health services. *International Public Management Journal* **24**(3), 378–393.
- Mahoney, J. (2000). Path dependence in historical sociology. *Theory and Society* **29**(4), 507–548.
- Margolis, S., Liebowitz, S. (1995). Path dependence, lock-in and history. *The Journal of Law, Economics and Organization* **11**(1), 205–226.
- North, D. (1994). Institutions matter. *Economic History* 9411004. University Library of Munich. <https://ideas.repec.org/p/wpa/wuwpeh/9411004.html>
- North, D., Thomas, R. (1973). *The Rise of the Western World: A New Economic History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ossandon, J. (2021). Hirschman's exit, voice, and loyalty and contemporary economic sociology. *Journal of Cultural Economy* **14**(4), 498–505.
- Rodrik, D. (2007). *One Economics, Many Recipes*. Princeton University Press.
- Rodrik, D., Subramanian, A., Trebbi, F. (2002). *Institutions rule: The primacy of institutions over geography and integration in economic development*. CID Working Paper № 97. Center for International Development, Harvard University, Cambridge, MA.
- Spector, H. (2018). Bureaucratization, education and the meanings of responsibility. *Curriculum Inquiry* **48**(5), 503–520.
- Tversky, A., Kahneman, D. (1981). The framing of decisions and the psychology of choice. *Science* **211**(4481), 453–458.
- Voigt, S. (2018). How to measure informal institutions. *Journal of Institutional Economics* **14**(1), 1–22.